

УДК 821.161.1

Г.С. Жарников*

**ВОЙНА КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОД
(НА МАТЕРИАЛЕ «КОНАРМЕЙСКИХ» НОВЕЛЛ И.Э. БАБЕЛЯ)**

В статье рассматривается особый эстетический код войны «Конармии» Исаака Бабеля. Обозначено несколько доминантных аспектов кода, и выявлена эстетическая позиция писателя, которая позволила ему говорить о войне в совершенно новом ключе.

Ключевые слова: эстетический код, новелла, цикл, И.Э. Бабель, война, красота, влюбленность, страсть.

Во всех сферах бытия у человека волей или неволей формируются свои отношения с «прекрасным», но эстетика пронизывает все уровни жизни. Неотделимы от нее и такие, казалось бы, совершенно антиэстетичные явления, как война. В разные эпохи война по-новому проходила через эстетическое осмысление, по-разному эстетически воспринималась. Еще в начале XIX века война – явление, сплошь проникнутое чувством «прекрасного», для многих она – красивый благородный «парад», где не кланяются ядрам и пулям, где славятся павшие в боях, а смерть – ничто по сравнению с позором. Первая Мировая война совершенно изменила это представление человека. Из парада с подвигами и героями, война превратилась в бессмысленную бойню. И вроде бы условия реальности потеснили эстетику – кажущееся сейчас невероятным обмундирование гусар, улан стало историей, – однако сознание человека с его способностью «видеть» эстетическое, прозревать его в самых неожиданных явлениях и вещах осталось неизменным.

«Конармия» Исаака Бабеля – это в некоторой степени эстетическое откровение о войне. Вся книга – отступление от неких «традиционных» писательских «гуманистически»-риторических позиций, что позволило автору выявить эстетический код, совершенно диссонирующий с привычным представлением о войне. «Отступление» обусловлено как рядом биографических факторов автора, так и некоторыми особенностями его художественной установки, но то, что Бабель «высветил» совершенно иную сторону реальности, объективно существующую, сомнений не вызывает. В данной статье проведен анализ некоторых аспектов эстетического кода войны в «Конармии». Они могут выступать в роли доминант, определяющих серьезное смещение авторских ценностных установок и особый строй книги. Для того чтобы лучше понять уникальность позиции Бабеля и отвести ей определенное место, имеет смысл рассмотреть художественные «высказывания» о войне других знаменитых писателей. Достаточно остановиться на точках зрения Л.Н. Толстого и Л.А. Андреева, которые помогут ярче «оттенить» особые эстетические принципы Исаака Бабеля.

Начать стоит с Толстого, который в знаменитой эпопее четко и недвусмысленно указал на свое видение войны. Как художник, стремящийся мир «переписать», Толстой все время действует в рамках своего масштабного «педагогического проекта».

* © Жарников Г.С., 2015

Жарников Геннадий Сергеевич (zharnikov.gs@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Его задача — показать неестественность войны, выбить читателя из привычной череды стереотипов и заставить его увидеть настоящее лицо реальности — этой цели служит знаменитый прием остранения. Пример его непрямого действия, когда остранению подвергается не читатель, а литературный герой, в эпизоде, описывающем первую атаку Николая Ростова. Не успев вступить в бой, он получает контузию, останавливается и несколько мгновений смотрит на приближающихся французов. Внезапно мысль о том, что эти люди бегут его убить, поражает Ростова, и он задумывается: «“Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все?” Ему вспомнилась любовь к нему его матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможно» [1].

Таким образом, война — это нечто неправильное, то, что не должно быть, и, если посмотреть на нее «чистым» взором Толстого, это то, что не может быть. Он показывает, как война принципиально чужда человеку, разрушает «миф» о красивых схватках, героических битвах, миф, который Николай Ростов после своей «неудачной атаки» воссоздает почти инстинктивно: «Он рассказал им свое Шенграбенское дело совершенно так, как обыкновенно рассказывают про сражения участвовавшие в них, <...> но совершенно не так, как оно было. <...> Он начал рассказывать с намерением рассказать все, как оно точно было, но незаметно, невольно и неизбежно для себя перешел в неправду» [1]. Против этой распространенной неправды о войне среди людей Толстой и протестует. Для него важен «опыт встречи» человека с подлинной реальностью, опыт, который способен повлиять на жизнь человека и его нравственный выбор.

У Леонида Андреева в рассказе «Красный смех» читатель сталкивается с изображением ужаса войны, сначала этот кошмар охватывает офицера, принимавшего участие в боях с японцами, затем похожее чувство поселяется в воображении брата героя и заполняет собой весь мир. По мысли Андреева, война — безумная мясорубка, способная обратить весь миропорядок в хаос.

С Бабелем ситуация несколько иная. Безусловно, попав на войну, он почувствовал всю «неестественность» взаимного убийства. Не прошел мимо него и «андреевский» ужас всего происходящего. В некоторой степени все это находит отражение в «Конармии» или дневнике писателя. Однако совершенно новым, даже неожиданным, аспектом, который Бабель видит в войне и на котором, в сущности, строит свою книгу, становится красота. Чтобы это понять, достаточно перечитать некоторые написанные с особым чувством отрывки. «На золоченых древках, отягощенных бархатными кистями, в огненных столбах пыли колебались пышные знамена. Всадники ехали с величественной и дерзкой холодностью <...> Впереди полка на степной раскоряченной лошаденке ехал комбриг Маслак, налитый пьяной кровью и гнилью жирных своих соков. Живот его, как большой кот, лежал на луке, окованной серебром» [2, с. 96]. К изысканной красоте описания присоединяется и страсть, наполняющая каждое движение персонажей. «К бою готовьсь! — пропел заунывный и как бы отдаленный Афонькин голос. Маслак, хрипя, кашляя и наслаждаясь, отъехал в сторону, казаки бросились в атаку» [2, с. 97]. Достаточно привести еще один эпизод: «Сабли к бою... — отдаленно запел Павличенко за спиной командарма, и вывороченные малиновые его губы с пеной заблестели в рядах. Красный казак начдива был оборван, мясистое омерзительное лицо его было искажено. Клинком неоценимой сабли он отдал честь Ворошилову <...> Делай, — ответил Ворошилов и махнул рукой. Он тронул повод, Буденный поехал с ним рядом. Они ехали на длинных рыжих кобылах, рядом, в одинаковых кителях и сияющих штанах, расшитых серебром. Бой-

цы, подвывая, двигались за ними, и бледная сталь сверкала в сукровице осеннего солнца» [2, с. 141–142].

Весь мир, нарисованный Бабелем, невероятно грандиозен, мясист. Он пресыщен подробностями, которым тесно на страничном листе. Писатель будто бы любит формы своих персонажей, формой вещей, их окружающих, поведением героев, каким бы это поведение ни было.

Для автора «Конармии» особое место в жизни человека занимала страсть. Он искал ее всюду. Именно страсть преображает на миг саму жизнь. Страсть – проявление жизни в обостренной жгучей форме.

Чтобы осознать значение «страсти» у Бабеля, достаточно задаться вполне закономерным вопросом: «что объединяет «Конармию» и «Одесские рассказы»?» Оба цикла были созданы в одно и то же время, «на одном дыхании», но, в известной степени, это вещи взаимоисключающие. В одних рассказах – извращенная боль, жестокость, разрушение и смерть, в других – жизнерадостные налетчики, элегантные, благородные в объятиях необузданной жизни.

Но если оба цикла рассматривать через «призму страсти», станет ясно, что и конармейцами, и одесскими бандитами писатель откровенно любит. В основе их изображения и восприятия единый эстетический принцип. Вот как характеризует Арье Лейб еврейского бандита в одной из новелл одесского цикла: «забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень. Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте себе на мгновение, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге. Вы тигр, вы лев, вы кошка. Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна» [3]. И уже в другом месте: «И он добился своего, Бенья Крик, потому что он был страстен, а страсть владеет над мирами» [3]. Персонажи одесского цикла выламываются из среднего уровня жизни, им тесно в каких-то узких рамках, им нужна вся жизнь целиком и полностью, и, что замечательно, они не стесняются предъявлять на нее свои исключительные права. То же самое можно сказать о героях «Конармии». И начальник конзапаса, ловко поднимающий перед крестьянами упавшую лошадь, и великодушный Трунов, который отвлек на себя внимание американских аэропланов, погиб при этом, но спас свой эскадрон – они, как и многие другие герои «Конармии» (герои-правдоискатели), одержимы страстью. Страсть объединяет их, и жизнь порой пасует перед этой одержимостью.

Но помимо страшного и красивого чувства было еще что-то. В сущности, Бабеля, несмотря ни на что, несомненно, нравилось быть в числе конармейцев. Ощущать себя частью невероятно мощной силы, сметающей все на своем пути и задавшей целью переустроить мир. Отчасти он смотрел на красноармейцев так же, как смотрят молодые евреи и еврейки в его конармейском дневнике: «Проходит бригада, Зотов в окне, ровенцы, вид казаков, изумительное спокойное, уверенное войско. Еврейские девицы и юноши следят с восхищением...» [2, с. 170]. Это восхищение – порождение долгих лет унижения еврейского народа, когда он томительно мечтал о силе, которой обладали все другие. Вот несколько примеров из дневника, где автор не скрывает своих чувств: «Приходит бригада, красные знамена, мощное спаянное тело, уверенные командиры, опытные, спокойные глаза чубатых бойцов, пыль, тишина, порядок, оркестр» [2, с. 175]. «Штаб переходит в Новоселки, 25 верст. Еду с начдивом, штабной эскадрон, <...> красная фуражка начдива, его мощная фигура, трубачи, красота, новое войско, начдив и эскадрон – одно тело» [2, с. 181]. И еще одно впечатление: «...показываются бригады, неизъяснимая красота, грозная сила двигается...» [2, с. 212]. Красота силы притягивает писателя, и, вступив в ряды воплощенной силы, он будто бы получает ее частицу, к тому же красноармейцы уже «заразили» его своей

страстью, поэтому он судит о польских пленных на страницах дневника несколько странно (для интеллигента): «Они окружают меня, они рады звуку моего благожелательного голоса, несчастная пыль, какая разница между казаками и ими, жила тонка» [2, с. 234].

Безусловно, привлекала Бабеля и мощная идеология, пропагандистская машина, равной которой, наверное, тогда еще не было. Вот запись из дневника, где сравниваются две пропаганды – польская и советская: «Допрос перебежчиков. Показывают наши листовки. Велика их сила, листовки помогают казакам <...> Взяли воззвание Пилсудского – Воины Речи Посполитой. Трогательное воззвание. Могилы наши белеют костями пяти поколений борцов, наши идеалы, наша Польша, наш светлый дом, ваша родина смотрит на вас, трепещет, наша молодая свобода, еще одно усилие, мы помним о вас, все для вас, солдаты Речи Посполитой» [2, с. 180–181]. Из всего этого Бабель делает вывод – «Трогательно, грустно, нету железных большевистских доводов – нет посулов, и слова – порядок, идеалы, свободная жизнь. Наша берет!» [2, с. 181].

Стоит обратить внимание на эпитет «железный», в самом тексте «Конармии» он также непосредственно примыкает к образу большевика. Например, в новелле «Мой первый гусь» рассказчик, глядя на начдива Савицкого, завидует «цветам и железу этой юности» [2, с. 39]. Начдив огромен, красив и решителен в такой степени, что «мир» будто бы начинает играть по его правилам, все подчиняется ему, все в восхищении перед ним. Еще один «железный» образ появляется в конце цикла, когда рассказчик увидит в вещах умирающего красноармейца портрет Ленина: «узловатое железо ленинского черепа» [2, с. 153]. Во всех трех примерах жесткость, бескомпромиссность эпохи и людей, в ней действующих, получают свою эстетическую оценку и становятся предметом восхищения и отчасти зависти.

Сила большевиков была в самом языке, который они приносили вместе с собой: реввоенсовет, комбриг, главком, начдив, ревтрибунал, комиссар, коммунист. Все эти слова похожи на рык огромного всемирного зверя, в них чувствуется первобытная сила и мощь, эти слова легко могут скандировать многотысячные толпы на митинге. Уже одним мощным, жестким, рубленным языком большевики создавали свое особое пространство. Пространство, признающее только одну истину и безраздельно уверенное в своей силе. Все это привлекало автора «Конармии» и отразилось в самом тексте книги, в великолепных образах большевиков, выписанных со страстью, не только той, которой обладали и проецировали в мир их прототипы, но и со страстью, произрастающей из влюбления и обожания наблюдающего. В одной из новелл рассказчик видит невероятную картину – начальник конзапаса пытается убедить крестьян, что иссохшие конармейские клячи ничуть не хуже коней, которых красноармейцы забрали у мужиков. Он подходит к упавшей лошаденке и, дав лизнуть ей свою руку, заставляет подняться. При этом рассказчик подмечает, что лошадь смотрит на начальника «собачьими, боязливymi, влюбляющимися глазами». Человек всегда видит в мире только то, что ему известно, и то, что есть в нем самом, поэтому несложно догадаться, со смесью каких чувств смотрит повествователь на начальника конзапаса [2, с. 20].

Влюбленность в силу категория совершенно особая. Отражение этого состояния в литературе встречается совсем нечасто, но тем ценнее эти редкие «прозрения». Подобное чувство охватывает Василия Розанова, встретившегося с конными солдатами на улицах Петрограда в разгар Первой мировой войны: «Я все робко смотрел на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелых всадников, из которых каждый был так огромен сравнительно со мной!.. Малейшая неправильность движений – и я раздавлен... Чувство своей подавленности более и более входило в меня. Я чувствовал себя

обвеянным чужою силой, — до того огромною, что мое «я» как бы уносилось пушинкою в вихрь этой огромности и этого множества...<...> Произошло странное явление: преувеличенная мужественность того, что было предо мною, как бы изменила структуру моей организации и отбросила, опрокинула эту организацию в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне — любовью..<...> Сила — вот одна красота в мире... Сила — она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, — молятся» [4].

И что, наверное, самое главное — в «Конармии» читатель сталкивается с любопытной позицией самого повествователя. В ней есть нечто от позиции художника, расписавшего храм в Берестечко, где «была обольстительная точка зрения на смертные страдания сынов человеческих. В этом храме святые шли на казнь с картинностью итальянских певцов. И черные волосы палачей лоснились, как борода Олоферна. Тут же над царскими воротами я увидел кощунственное изображение Иоанна, принадлежащего еретической и упоительной кисти Аполека. На изображении этом Креститель был красив той двусмысленной недоговоренной красотой, ради которой наложницы королей теряют свою наполовину потерянную честь и расцветающую жизнь» [2, с. 104]. То есть, несмотря ни на что, Бабель в «Конармии» как бы «поднимается» над происходящим, видит красивое в ужасном, у него появляется «своя обольстительная точка зрения на страдания сынов человеческих».

Многие исследователи часто приводят фразу из эссе Борхеса о творчестве Бабеля, намекая на достаточно жесткую полярность этики и эстетики в книге: «Музыка его стиля контрастирует с почти невыразимой жестокостью некоторых сцен» [5]. Однако загадочным образом она не только контрастирует с жестокостью, но совершенно неотделима от нее, сама жестокость положена на великолепный язык музыки. Это невероятная симфония, рассказывающая об ужасе, но рассказывающая так, что сам «ужас» становится эстетической категорией.

Здесь следует вспомнить и преклонение Бабеля перед Мопассаном, одним из лучших стилистов среди писателей. Создатель «Конармии», соглашаясь с определением своего творчества как «литой прозы», говорил: «Я готов написать рассказ о стирке белья, и он, может быть, будет звучать как проза Юлия Цезаря. Все дело в языке и стиле» [6]. Известно также, что Бабель переписывал каждый рассказ до тех пор, пока ни одного слова из него нельзя было выкинуть. Сцепление этих слов, по выражению писателя, не смогла бы разбить и молния. И в результате этих усилий его новеллы обладают своей особой музыкальностью, которая «расшатывает» преграду между прозой и поэзией: «девственная гречиха встает на горизонте, как стена дальнего монастыря. Тихая Волынь изгибается, Волынь уходит от нас в жемчужный туман березовых рощ, она вползает в цветистые пригорки и ослабевшими руками путается в зарослях хмеля. Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу» [2, с. 7]. «Музыка» «Конармии» становится важной составляющей специального эстетического кода книги.

И резюмируя все рассуждения, стоит отметить, что знание эстетического кода войны и его элементов дает право полагать, что в самой книге и в той трагедии, которой она посвящена, была и остается страшная красота.

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Война и мир. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0040.shtml (дата обращения: 25.03.2015 г.).
2. Бабель И. Конармия: сборник. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 288 с.
3. Бабель И.Э. Одесские рассказы. URL: <http://lib.ru/PROZA/BABEL/odessa.txt> (дата обращения: 27.03.2015).
4. Бердяев Н.А. О «вечно бабьем» в русской душе. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html> (дата обращения: 19.03.2015).
5. Кудрин О. Два мифа и один человек. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/5/k10.html> (дата обращения: 20.02.2015).
6. Паустовский К.Г. Рассказы о Бабеле. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus-Babel/2.htm> (дата обращения: 26.04.2015).

References

1. Tolstoy L.N. War and Peace. Retrieved from: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0040.shtml (accessed 25 March, 2015) [in Russian].
2. Babel I. Red Cavalry: Collection. SPb., Izdatel'skaya Gruppy «Azбуka-klassika», 2010, 288 p [in Russian].
3. Babel I.E. Tales of Odessa. Retrieved from: <http://lib.ru/PROZA/BABEL/odessa.txt> (accessed 27 March, 2015) [in Russian].
4. Berdyaev N.A. About «eternal-feminine» in the Russian soul. Retrieved from: <http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html> (accessed 19 March, 2015) [in Russian].
5. Kudrin O. Two myths and one man. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/october/2012/5/k10.html> (accessed 20 February, 2015) [in Russian].
6. Paustovsky K.G. Stories about Babel. Retrieved from: <http://www.bibliotekar.ru/rus-Babel/2.htm> (accessed 26 April, 2015) [in Russian].

*G.S. Zharnikov**

**WAR AS AN AESTHETIC CODE
(ON THE MATERIAL OF THE «RED CAVALRY» NOVELS OF I.E. BABEL)**

In the article special aesthetic code of war in «Red Cavalry» of Isaac Babel is viewed. Several dominant aspects of code are denoted and author's aesthetic position which allowed him to talk about the war in a whole new way is identified.

Key words: aesthetic code, short story, I.E. Babel, war, beauty, amorousness, passion.

Статья поступила в редакцию 26/III/2015.
The article received 26/III/2015.

* *Zharnikov Gennadiy Sergeevich* (zharnikov.gs@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.